

Е.Н. Басовская

«Странный исторический роман»

В 1856 г. в Петербурге Толстой задумал новый роман. В 1860–1861 написал три главы. Книга называлась «Декабристы». Действие было современным. Александр II, взойдя на трон, объявил амнистию участникам декабрьского мятежа 1825 года. Те из них, кто дожил до этого дня, получили разрешение вернуться в столицы. Толстого привлекал образ человека, который через тридцать лет оказывается в городе своей юности. Здесь все переменилось: и моды, и нравы, — а он остался прежним. Он романтик и идеалист. Он постаревший Чацкий.

«Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин... примеряющий свой строгий, несколько идеальный взгляд к новой России», — писал Толстой Герцену.

«Старик с белой бородой», приехавший с семьей в Москву после многих лет изгнания, был похож на С.Г. Волконского, а его жена — на М.Н. Волконскую — дочь генерала Раевского, последовавшую за мужем в Сибирь. Героев романа звали Наталья Николаевна и Петр Иванович — Пьер. Видимо, их имена полюбили Толстому. За годы работы над книгой он несколько раз менял все: время действия, сюжет, судьбы персонажей. Но Наташа и Пьер остались, только отчества их стали другими: Петр Иванович превратился в Петра Кирилловича Безухова, Наталья Николаевна — в Наталью Ильиничну Ростову, в замужестве Безухову.

Роман не получался. Образам, созданным Толстым, не хватало достоверности. Героев приходилось *описывать* — сами они проявлять себя не желали. В какой-то момент автор почувствовал, что действие должно начаться не в 1856 году, а в 1825. Но события того года, когда произошло выступление на Сенатской площади в Петербурге, не объясняли всего. Декабристское движение зародилось после освободительного похода русской армии по Европе, когда у многих молодых офицеров открылись глаза: они увидели мир без рабства, устыдились происходящего в России и почувствовали долг перед угнетенным народом. «Три поры» — таким было одно из названий будущего романа.

Но Толстой не остановился в своем движении в глубь истории. 1812 год был овеян славой. Русские, одержав несколько блистательных побед, изгнали французов со своей земли, преследовали противника и вступили в Париж. Победой над Наполеоном можно было гордиться. Но на пути к этой победе было и другое: бессмысленная и мучительная война на чужой территории, нищета армии, недалекость военачальников. Кампания 1805–1807, дорого стоившая России и завершившаяся плачевно.

В конце 1799 года во Франции произошел государственный переворот и была установлена диктатура Наполеона Бонапарта. К этому времени несколько монархических государств Европы, в том числе и Россия, вели войну против Франции, которая была для них символом победившей революции и рассадником крамолы. Гениальный полководец, Наполеон разгромил войска союзников. В 1805 году Россия вступила в новую антифранцузскую коалицию. Военные действия на суше велись на территории Австрии и Пруссии. В 1807 году, после многих кровопролитных и безуспешных сражений, Россия подписала с Францией Тильзитский мир. Подумай, как быстро все произошло: за каких-то семь лет две страны три раза становились военными противниками, недавний победитель вскоре был с позором разгромлен. Одни и те же люди, не успевшие даже состариться, могли оказаться на полях сражений в Австрии, Пруссии, России, войти в покоренный Париж.

Толстой знал войну не только по книгам. Пять лет его жизни прошли среди сражений. Но он не был свидетелем *победоносной* войны. На Кавказе русская армия побеждала,

но там все было слишком непрочно; горцы не чувствовали себя сломленными, русские не испытывали торжества. В Севастополе военная сила России была подорвана, армию охватило отчаяние. Удивительно ли, что Толстому легче было вжиться в мир России воюющей, но проигрывающей? И, только заново прочувствовав вместе со своими героями боль поражения, писатель смог написать объемно, страстно — как очевидец — о событиях 1812 года.

«...Идея морального реванша, реабилитации России была для Толстого связана с 1812 г., — пишет биограф писателя В. Шкловский. — И вот тогда Толстой задумал “Войну и мир”...

“Война и мир” как бы начата в севастопольском отрезвлении... после того поражения, которое потерпели Пьер Безухов и Давыдов, и другие люди, которых он знал».

Так «три поры» превратились в четыре: 1805—1812—1825—1856. Но за годы работы над книгой первые две части настолько разрослись, что заполнили ее всю. В «Войне и мире» 1825 год так и не наступил. Действие первой части эпилога отнесено к 1820 — за пять лет до декабристского выступления. Читатели расстаются с Петром Кирилловичем и Натальей Ильиничной, когда те молоды, счастливы и даже представить себе не могут будущих испытаний. Это далеко не первый и не последний случай в литературе, когда герои приобретают самостоятельность и перестают слушаться автора. Персонажи «Войны и мира» прожили не совсем ту жизнь, которую предназначал для них Толстой, но у нас теперь нет сомнений, что это была единственно возможная их биография.

Новое произведение Толстого начало публиковаться в журнале «Русский вестник» в 1865 под названием «Тысяча восемьсот пятый год». Писатель в это время продолжал работу. В «Войну и мир» вложен колоссальный труд. Толстой изучал книги по истории, мемуарные свидетельства декабристов, беседовал с очевидцами давних событий. Он многократно переписывал текст, меняя сюжетные ходы, подолгу подыскивая нужное слово.

В 1867–1869 вышли два отдельных шеститомных издания «Войны и мира». Книга стала объектом пристального и отнюдь не доброжелательного внимания критики. Как заметила литературовед Л. Гинзбург, «рецензии на «Войну и мир» похожи сейчас на хулиганство». Почему? Да потому что авторы статей, появившихся в ходе и сразу после публикации книги, писали о Толстом в тоне, для нас совершенно немыслимом. Его отчитывали, как мальчишку, за неумелое обращение с историческими фактами и «забвение художественной азбуки». Критиков раздражало то, что произведение Толстого не соответствует ни одному жанровому канону. Даже чуткий ко всему новому в литературе Тургенев назвал «Войну и мир» «*странным историческим романом*».

Толстой был готов к непониманию и упрекам. В наброске предисловия к «Войне и миру» он так рассказывал о своих творческих мучениях:

«Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писание не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило и дело мое не подвигалось и я начинал остывать к нему. Теперь, помучившись долгое время, я решился откинуть все эти боязни и писать только то, что мне необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет от всего этого, и не давая моему труду никакого наименования».

Окончательный вариант авторского комментария к тексту получил название «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» и был помещен в журнале «Русский архив» в 1868. В этой заметке автор вновь возвращался к мысли о том, что его произведение не может быть отнесено ни к одному из известных жанров:

«Что такое “Война и мир”? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой

оно выразилось... История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает ни одного примера противоположного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести».

Сейчас «Войну и мир» принято называть *романом-эпосом*. Вторая часть этого жанрового определения — *эпос* — слово, заимствованное из греческого языка, где *epos* — повествование, *poieo* — творю. Так называют произведения, относящиеся к эпическому роду, но не любые, а монументальные, посвященные грандиозным событиям, охватывающие множество судеб. В романе-эпосе переплетаются история вымышленных героев и история страны, народа.

Сам Толстой не придумал для своей книги такого жанрового определения. Он лишь отмахивался от попыток критики загнать его произведение в тесные рамки литературных правил. Его ругали, требовали исправить, доработать написанное. Он же, на наше счастье, оставался самим собой.

Давай разберемся: что именно в «Войне и мире» было так вызывающе неправильно?

Прежде всего читателей и критиков смущала громоздкость художественной формы. Книга казалась перенасыщенной, перенасыщенной человеческими судьбами. В отличие от классического романа, в ней невозможно было выделить одного или двух главных героев, за жизнью которых автор следил бы особенно внимательно. Для Толстого князь Андрей и княжна Марья Болконские, Пьер Безухов, Наташа и Николай Ростовы были равно «центральными» персонажами. Кроме того, рядом и на равных с ними действовали исторические лица — Александр I, Наполеон Бонапарт, Кутузов и другие. Но и это еще не все. По воле автора на первый план то и дело выдвигались так называемые второстепенные персонажи, и на некоторое время их личность затмевала собой все остальные. Так, в начале книги вдруг делался заметнее других скромный капитан Тушин, в конце — Платон Каратаев. Сторонникам литературной традиции казалось, что из-за такой «многолюдности» внимание читателя рассеивается, книга становится трудной для восприятия.

Общение с текстом осложнялось и другим обстоятельством. Толстой выступал в «Войне и мире» не только как художник, но и как мыслитель, историк, публицист. Он делился с читателями размышлениями о законах истории, о народе, о войне, не жалея на это журнальных или книжных страниц. Писатель мог в любой момент отступить от повествования, чтобы вдаваться в сложнейшие рассуждения. Так, в третьем томе, рассказав о том, что оставшийся в осажденной Москве Пьер потребовал у слуги крестьянское платье и пистолет, Толстой останавливается «на самом интересном месте». Вместо того чтобы удовлетворить читательское любопытство и продолжить историю Пьера, намеревавшегося убить Наполеона, автор подробнейшим образом описывает вступление французов в Москву, а потом посвящает целую главу сопоставлению оставленного города с обезматовым ульем. Это очевидно противоречило укрепившимся в русской литературе XIX века принципам последовательности и увлекательности сюжета.

Многочисленные рассуждения, разбросанные по тексту «Войны и мира», особенно возмущали Тургенева. Сам он был мастером короткого, динамичного романа, где нет ничего лишнего, а об авторской точке зрения приходится лишь догадываться. Будучи писателем «ненавязчивым», Тургенев осуждал утомительную откровенность Толстого. В какой-то момент Толстой прислушался к его советам (не будем забывать, что Тургенев был десятью годами старше и некоторое время выступал в роли литературного наставника молодого писателя): он переработал текст, изъяснил рассуждения из основной части и вынес в конец книги. Однако такой вариант его не устроил, и со следующего издания он вернулся к прежней композиции, в которой сюжетное повествование то и дело перебивалось научно-публицистическими фрагментами.

Наконец, недовольство критиков было вызвано самой философией Толстого, которая так ясно отразилась в «Войне и мире». Старания писателя были направлены на то, чтобы развенчать общепринятые представления об истории в целом и о войне 1812 года в частности. Официальная историческая наука называла на первом месте среди спасителей отечества — императора Александра I. Войну вообще рассматривали преимущественно как столкновение политических интересов и полководческих талантов «великих людей». Толстой же использовал все средства: художественные образы, логические рассуждения, иронию — чтобы доказать несостоятельность такой исторической концепции. Для него личная воля была лишь одной из мириад составляющих исторического процесса, и он не верил в способность одного человека что-либо изменить в судьбах мира. Эти взгляды, оригинальные и дерзкие, пронизывали всю книгу. Именно руководствуясь ими, Толстой «уточнил» образы реальных исторических лиц. Он сделал великого Наполеона Бонапарта маленьким, чванливым, недалеким человеком, а знаменитого полководца Кутузова превратил в постоянно дремлющего старика, главное достоинство которого — пассивность, умение не вмешиваться в ситуацию. Все это давало критикам основания обвинять Толстого в искажении исторических фактов.

Итак, книга вызвала скандал. Она равно разозлила историков и литераторов. Были, правда, и положительные отзывы. Глубочайшую психологическую достоверность образов, уникальное умение Толстого переносить читателя в мир своих героев оценили П. Анненков в статье «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» (1868) и Н. Страхов в рецензии «“Война и мир”. Сочинение графа Л.Н. Толстого» (1868). Анненков писал:

«...Читателю кажется, будто дух времени, открытие и определение которого стоит таких трудов исследователям исторических эпох, воплощается на страницах романа... легко и свободно, бесчисленное количество раз. Из признательности за это ощущение духа времени устанавливаются на первых же порах между читателями и романом самые дружеские, приятные отношения...»

Но если такие отношения и сложились, то поначалу очень не у многих. Потребовалось время, чтобы сделанное Толстым было оценено по достоинству. Одна из важнейших тенденций развития литературы — освобождение автора из-под власти канонических правил. XX век дал писателю невиданную прежде свободу. Сейчас ни у кого не вызывает сомнений его право творить в любых формах, которые соответствуют художественному замыслу. Непохоже на роман? Ну и что? Не соответствует распространенным взглядам? Прекрасно! Тем-то и драгоценна эта книга, что самобытна и уникальна, что в ней слышится неповторимый голос Толстого.